

Ниже представлен перевод главы в соответствии с алгоритмом системы «Феникс».

Глава 19. Быкоголовый и Лошадиная морда (VIII)

Личную служанку госпожи Шуй звали Чуаньянь. Послушник проводил лекарей в один из залов храма Танби, где она их и ожидала. Узнав о цели визита, девушка поспешила проводить гостей во внутренний дворик.

Чуаньянь выглядела крайне взволнованной.

— Какая удача! Это просто замечательно! — воскликнула она, всплеснув руками. — С помощью лекарей, призывающих дух, госпожа обязательно поправится.

— Мы приложим все усилия, — заверил её Чан Я. — Но прежде ты должна рассказать нам всё, что знаешь. Чтобы отыскать первопричину недуга, нам нужна правда. Ничего не утаивай.

Чуаньянь замахала руками, подтверждая свою искренность:

— Что вы, я и не думала! Спрашивайте о чём угодно, я всё расскажу.

— Хорошо. — Видя её готовность, Чан Я немного успокоился. — Когда госпожа Шуй прежде посещала храм Танби, она ведь часто уходила в горы за монастырём? Ты сопровождала её?

— Да, — кивнула Чуаньянь. — Господин и госпожа держат её в строгости, так что любая поездка для неё — редкая возможность подышать свободой. Она была рада провести лишнее время вне стен поместья. Но обычно она уходила туда одна, я за ней не следовала.

— А госпожа Шуй... — Чан Я замялся. Расспрашивать о таких вещах юную девушку было неловко, и он всё никак не мог подобрать слова. Цэнь Сяолу, заметив его заминку, вмешался сам.

— Кому принадлежит её сердце?

— А? — Чуаньянь оторопела. Она явно не ожидала, что разговор так резко свернёт к делам сердечным.

— Ну... — Девушка заколебалась, но, вспомнив, в каком плачевном состоянии сейчас находится её хозяйка, всё же решилась: — Есть один человек.

— Кто он?

— Лу Цифэн.

Лу Цифэн жил в Ифэйло — местечке на окраине городка Сяшуй, где селилась в основном беднота. Чуаньянь рассказала, что он рано лишился родителей и остался совсем один. Старейшина Фу, учитель из академии Минли, оценил его таланты и позволил ему преподавать там каллиграфию и живопись. Записав адрес, лекари решили немедленно отправиться в Ифэйло.

Стоило им сесть в повозку, как мимо проезжал экипаж мастера Нихуэя.

— Тпр-ру! — Цэнь Сяолу натянул поводья.

Мастер Нихуэй отодвинул занавеску.

— Ну как? — Он посмотрел на Цэнь Сяолу, перебирая в руках чётки. — Ты всё ещё можешь уйти со мной.

— Мастер, если нам суждено, мы ещё встретимся, — спокойно ответил Сяолу.

Старик погладил бороду и негромко рассмеялся:

— Что ж, верно. Мир велик, и вся земля под небом — наш дом.

С этими словами он бросил Чан Я какой-то предмет.

— Этот оберег принесёт покой и безопасность. Ты пришёл ко мне за толкованием жребия, а это тоже своего рода предназначение. Пусть он будет твоим.

Едва успев разозлиться на то, что монах снова пытается переманить Цэнь Сяолу, Чан Я вдруг обнаружил в руках подарок. Посмотрев на мастера другими глазами, он подумал, что тот, в сущности, неплохой человек.

— Спасибо! Мастер Нихуэй... До встречи!

Глядя вслед удаляющейся повозке, Чан Я раскрыл ладонь. На ней лежал изящный амулет: небольшой матерчатый мешочек, расшитый санскритскими письменами, с плетёным шнурком и тонкой кисточкой внизу. Он бережно спрятал благословение во внутренний карман, поближе

к сердцу.

Цэнь Сяолу снова тронул лошадей. Чан Я не стал забираться в крытый кузов, а устроился на облучке рядом с названным братом. Болтая ногами, он заговорил о мастере:

— И что он в тебе нашёл? Даже перед отъездом пытался сманить с собой.

Цэнь Сяолу уверенно правил повозкой.

— Хочешь сказать, у наставника плохой вкус?

— Вовсе нет! — Чан Я испуганно выпрямился и затараторил: — Я совсем не это имел в виду. Ты... ты только не вздумай ему наговорить на меня, когда вернёшься.

— Успокойся, я ничего не скажу.

Чан Я подозрительно уставился на него, пока Сяолу свободной рукой не повернул его голову обратно.

— Не смотри на меня так, а то с дороги собьюсь.

— Но мастер Нихуэй к тебе явно благоволит. Даже оберег на прощание подарил... Похоже, ты ему действительно приглянулся.

Чан Я невольно прижал руку к груди, там, где лежал мешочек.

— Возможно.

Сам он не считал себя тем ребёнком, который может с первого взгляда очаровать мудрого старца.

Смеркалось. Вернувшись в городок, они на мгновение задумались, не стоит ли сначала заехать в поместье Шуй, а поиски Лу Цифэна отложить до утра. Однако, вспомнив состояние больной, решили, что медлить нельзя, и направились напрямиком в Ифэйло.

Чем дальше они уезжали от центра города, тем заметнее менялся пейзаж: дома становились всё ниже и невзрачнее, рынки и лавки исчезли вовсе. Когда повозка достигла Ифэйло, взору открылись тесные ряды глинобитных хижин. Задний двор одного соседа здесь служил местом для сушки зерна для другого. На узких тропинках, где едва могли разойтись два человека,

дорогу то и дело преграждали насадки с выводком цыплят, а из-за ветхих заборов доносился яростный лай псов.

Проехать вглубь на повозке было невозможно. Цэнь Сяолу оставил лошадей у обочины, и они с Чан Я пошли пешком. Шум экипажа привлёк внимание местных. Было время ужина, и любопытные жители, вооружившись мисками с едой, высовывались из дверей, гадая, какой богач пожаловал в их трущобы.

Почувствовав на себе столько взглядов, Чан Я вжал голову в плечи и зашептал:

— Мы тут словно диковинные звери в клетке.

— Ничего страшного, — отозвался Сяолу. — Эту повозку нам выделил управляющий Чжэн, для этих мест она слишком роскошна, вот мы и кажемся чужаками. Пусть смотрят, нам важнее найти Лу Цифэна. Спросим у кого-нибудь дорогу.

— Угу.

Чан Я хотел было шагнуть вперёд, но в этот момент его живот предательски и громко заурчал. Мальчик в смущении обхватил себя руками.

— Проголодался? — Сяолу услышал это совершенно отчётливо. — В сумке осталась одна пышка, хочешь?

Чан Я сглотнул слюну, но мужественно мотнул головой:

— Потом съем. Сначала найдём Лу Цифэна, чтобы поскорее вернуться в поместье Шуй.

Расспросив жильцов, они узнали точный адрес. Семья добросердечных бедняков даже отправила своего сынишку проводить их — сказали, дом стоит на самом отшибе, и сами они его не найдут.

Добравшись до места, они поняли, что значит «на отшибе». Если остальные лачуги жались друг к другу группами, то жилище Лу Цифэна стояло особняком. До ближайшего соседа было не меньше пяти пустующих участков. Домик примостился в самом углу Ифэйло, заброшенный и одинокий.

— Почему так далеко от остальных? — удивился Чан Я.

— Раньше здесь были люди, — пояснил мальчик-проводник. — Но те, кто жил рядом, заработали денег и переехали в Сяшуй. Старые дома снесли, вот он один и остался.

— Вот оно как. — Чан Я ласково потрепал парнишку по голове. — Спасибо тебе, малец. Беги домой, пока совсем не стемнело, а то дорогу не найдёшь.

Он достал из сумки последнюю пышку и протянул ребёнку:

— Держи, подкрепись. Она остыла, попроси маму разогреть.

— Спасибо! — Мальчишка радостно блеснул глазами при виде белого теста. Спрятав угощение за пазуху, он потянул Чан Я за край одежды и спросил: — Братец, а вы сами-то дорогу назад найдёте?

Чан Я указал на Цэнь Сяолу:

— У этого брата память хорошая, он не заблудится.

Ребёнок внимательно посмотрел на Сяолу и, решив, что этот человек выглядит достаточно умным, со спокойным сердцем убежал.

Когда он скрылся из виду, Цэнь Сяолу негромко спросил:

— Последняя пышка. Неужто совсем не хочешь есть?

— Обойдусь, — просто ответил Чан Я. — Видел, как он обрадовался? Для него это целый пир.

Сяолу иногда казалось, что Чан Я слишком наивен. Таким людям легко живётся, пока их вера в мир крепка, но стоит ей разбиться — и они гибнут. Он одновременно и опасался за него, и втайне завидовал этой чистоте души, которую сам давно утратил.

— Пойдём, — Чан Я первым зашагал к дому. — Пора познакомиться с этим Лу Цифэном.

Двери были плотно закрыты. В окнах — ни огонька, под навесом не сушилась одежда. Дом казался необитаемым.

— Неужели его нет? — Чан Я постучал, но ответом была тишина.

— Есть кто-нибудь? — Он ударил в дверь сильнее, но изнутри не донеслось ни звука.

— Отойди, — велел Цэнь Сяолу.

Чан Я недоумённо отступил. Сяолу слегка толкнул дверь, и старые петли отозвались

протяжным скрипом. Он ещё через щель заметил, что засов не задвинут.

— Открыто... — Чан Я проскользнул в дом следом за братом.

Внутри пахло сыростью и застарелой плесенью — верный признак того, что помещение давно не проветривали.

— Здесь есть кто-нибудь? — снова позвал Чан Я, понизив голос. — Может, он давно уехал?

Дурное предчувствие охватило Цэнь Сяолу. В передней было пусто. Чан Я нащупал на столе свечу и зажёл её. Сяолу взял подсвечник и, освещая путь, направился к спальне в западном крыле.

Дверь была приоткрыта. Чан Я невольно схватил Сяолу за руку, мешая ему войти.

— Его точно нет дома. Давай уйдём? Вернёмся в другой раз.

— Проверим — и уйдём.

Сяолу мягко толкнул дверь. Та медленно отворилась.

Увиденное заставило их замереть на пороге. Чан Я округлил глаза, крик застрял в горле, и он судорожно прижал ладони ко рту, чтобы не закричать.

В центре комнаты, подвешенное к балке на белом шёлковом куске ткани, застыло тело мужчины. Лицо его было мертвенно-бледным с синюшным отливом, конечности одеревенели. Было ясно — смерть наступила не час и не два назад.

— Это... это и вправду Лу... Лу Цифэн? — голос Чан Я сорвался, слова давались с трудом.

Это было его первое столкновение со смертью — столь внезапное и жуткое, что почва уходила из-под ног.

Цэнь Сяолу, несмотря на мрачные догадки, тоже не ожидал увидеть подобное, но он среагировал мгновенно.

— Чан Я, помоги мне. Нужно его снять.

—... Хорошо.

Сделав над собой усилие, Чан Я поборол приступ тошноты и подбежал к брату. Вдвоём они осторожно опустили тело на пол.

— Как же так... Почему он мёртв? Сам наложил на себя руки?

Сяолу осмотрел шею и запястья покойного, отметив трупные пятна. Чан Я наблюдал за его действиями, ощущая, как в груди разливается горькая тоска. Чуаньянь описывала Лу Цифэна как талантливого, пусть и немного нелюдимого человека, который упорно трудился и мечтал о чиновничьей службе. Его преданность своему делу и острый ум — вот что пленило госпожу Шуй. И теперь этот человек лежал мёртвый в собственном заброшенном доме, и никто даже не хватился его.

Госпожа Шуй всё ещё не пришла в себя. Чан Я страшно было даже представить, что станет с ней, когда она узнает правду. Для неё это станет вторым ударом, который она может не пережить.

Сяолу накрыл тело простынёй и принялся осматривать комнату.

— Что ты ищешь? — тихо спросил Чан Я.

Сяолу не ответил. Он подошёл к столу и вытянул из-под тяжёлой каменной тушечницы листок бумаги.

— Предсмертную записку.

<http://bllate.org/book/17545/1712266>